

УДК 008+8(09)(571.6)

ПРОЦЕССЫ ТРАНСФОРМАЦИИ В ЛИТЕРАТУРНОЙ СФЕРЕ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В 1990-Е ГГ.

Е.С. Волкова

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
ул. Пушкинская 89, г. Владивосток, 690001,
e-mail: elenavolkova1@yandex.ru

В статье анализируются последствия радикальных реформ 1990-х гг. для литературной сферы на российском Дальнем Востоке, в том числе распад единого культурного пространства, переход от «вертикальной» модели организации издательского дела к «горизонтальной», падение престижа писательской профессии. Отражено восприятие эпохи дальневосточными литераторами и практики выживания в условиях переходного периода.

Ключевые слова: Дальний Восток России, 1990-е гг., рыночные реформы, творческая интеллигенция, культурный разрыв, социальный статус писателя, практики выживания.

Последствия рыночных реформ, проведенных в России в 1990-е гг., до сих пор ощущаются во всех сферах общественной жизни, в том числе в культурной, поэтому изучение данного периода не теряет своей актуальности. В статье, впервые в историографии, предпринимается попытка проанализировать процессы трансформации в литературной сфере на российском Дальнем Востоке в 1990-е гг. Под литературной сферой мы понимаем ту часть общественной жизни, которая связана с художественной литературой (прежде всего речь идет о писателях, но затронута также читательская аудитория). Главное внимание уделяется Владивостоку и Хабаровску, между которыми традиционно существует негласное соперничество за право быть центром литературной жизни региона.

Что касается источниковой базы, то наряду с официальными документами госорганов, писательских и издательских организаций большую роль в изучении процесса трансформации в литературной сфере играют художественные произведения и прочие источники субъективного характера (интервью, письма, эссе и пр.). Ряд архивных данных и неформализованные интервью с участниками литературного процесса на Дальнем Востоке, проведенные автором исследования, впервые вводятся в научный оборот. Важным источником для данного исследования является также литературная критика. Общероссийский литературный процесс девяностых освещается в критических статьях Л. Данилкина, З. Прилепина, Р. Сенчина, дальневосточную составляющую анализируют В. Катеринич, С. Крившенко, А. Лобычев.

Одна из основных трудностей заключается в том, что адекватных статистических данных ни по выпуску художественных произведений в 1990-е гг., ни по литераторам как социальной группе не существует. В данном исследовании основными методами выступают антропологические и микроисторические. Важные методологические подходы к анализу трансформации в культурной сфере конца XX – начала XXI вв. содержатся в работах Л. Ионина [6], Ж. Тощенко [23]. Развитие издательского дела в регионе исследует А. Посадсков [17, 18].

В перестроечный период, с ликвидацией цензуры и торжеством гласности, в российском обществе утвердилось мнение, что реформы освободят в людях творческие силы, дадут возможность самореализации. «Казалось, что главной характеристикой времени... будет «свобода»: пей воздух свободы, переживай свободу – и пиши свободно», – вспоминает московский критик Л. Данилкин [5, с. 181]. «Мы еще не знали, чем закончится головокружительное, свободное, демократическое падение, какие боль и стыд ждали нас впереди», – комментирует post factum владивостокский поэт И. Шепета [29, с. 80].

В 1992 г. увидели свет «Основы законодательства РФ о культуре». Этот документ разграничивал полномочия федеральных органов госвласти, органов субъектов РФ и органов местного самоуправления, определял принципы госфинансирования и регулирования экономической деятельности в области культуры [14]. Государство берет курс на коммерциализацию культурной

сферы и активное внедрение рыночных методов хозяйствования, хотя уже тогда многие эксперты и деятели культуры скептически оценивали перспективы подобных нововведений (как заявлял в 1993 г. писатель Ю. Поляков, «об «умном» рынке по отношению к книге могут говорить всерьез только очень неумные люди») [16, с. 115].

Уже в первой половине 1990-х гг. эйфория от обретенной свободы и гласности постепенно сходит на нет, на смену ей приходит разочарование. Госиздательства постепенно сворачивали свою деятельность, сокращали сотрудников, банкротились. Государство уходило из книжной сферы, но в первое «свободное» десятилетие это обернулось, вопреки ожиданиям, падением качества выпускаемых книг и обилием графоманской продукции. Владивостокский критик А. Лобычев так описывает свои ощущения в тот период: «В стране был книжный голод, и в эту отрасль ринулись все, кто рассчитывал заработать на книгах, даже те, кто не имел ни малейшего понятия об издательском процессе. Заходя в книжные магазины, я видел чудовищные издания: отсутствие редактуры, грамматические ошибки, беспомощное оформление, переводы, напоминающие «подстрочник»... Казалось, что все рухнуло» [1, П 03]. О качестве печатной продукции в тот период красноречиво говорит рубрика «Культура книгоиздания», открытая в журнале «Печатный двор. Дальний Восток России» в 2001 г., – это был своего рода ликбез для неопытных издателей (здесь объяснялось, как правильно оформлять титульный лист книги, оглавление, колонтитулы, аннотацию и пр.).

Государство в сферу книжного дела так и не вернулось. По словам А. Посадкова, «государственные органы... больше не считают выпуск книг своей задачей, а книгу уже не воспринимают как обязательный инструмент руководства обществом» [17, с. 84]. Еще больше, чем издательское дело, пострадала система книгораспространения. Тиражи упали в десятки и сотни раз, и о времени, когда книги доходили до самых дальних деревень и поселков по всей стране, оставалось только ностальгировать. В свою очередь это привело к серьезным проблемам с формированием единого культурного пространства не только на территории России, но даже на уровне ДФО. Добавим, что в 1990-е в российском обществе происходит резкая дифференциация, разобщение, единый культурный процесс распадается на множество потоков, больших и малых, зачастую не связанных между собой; общность интеллигентского чтения уходит в прошлое.

Во всех дальневосточных субъектах имели место сходные культурные процессы, но шли они обособленно. И без того нечастые общерегиональные писательские совещания прекратились, общерегиональные издательские проекты («Библиотека дальневосточного романа», «Молодая проза Дальнего Востока», «В исключительных обстоятельствах») постепенно сходили на нет, а литература, выпускаемая в отдельно взятом субъекте федерации, практически перестала выходить за его пределы. В 1990-е гг. произведения дальневосточных писателей становятся плохо известны (или совсем неизвестны) даже в соседних краях и областях.

В каком-то смысле объединяющую роль играли журнал «Дальний Восток» в Хабаровске, тихоокеанский альманах «Рубеж» (с 1992 г.) и ежегодная выставка-ярмарка «Печатный двор» во Владивостоке (проводится с 1997 г., с 1998 г. имеет статус региональной), но этого было явно недостаточно. «В 90-е из всех пишущих, стартовавших из Хабаровска, только молодая журналистка Дарья Асламова сподобилась всесветной славы. Да, та самая, автор «Записок дрянной девчонки». Между тем, ныне в краевом центре, каковым является Хабаровск, функционируют две писательские организации, и они насчитывают около сотни творческих единиц», – констатировала хабаровский критик В. Катеринич в 1999 г. [7].

В переходный период резко возрастает интенсивность культурной жизни: по словам Л. Ионина, это бурление связано с гибелью советской культуры и поиском новых культурных моделей [6, с. 231]. На Дальнем Востоке создаются независимые издательства (во Владивостоке – «Усури», «Рубеж», «Русский остров», «Дюма» и др., в Хабаровске – «Приамурские ведомости», «Частная коллекция», «Тонкие лозы» и др.). Появляются новые авторы – Д. Старцев, Т. Алешина, Е. Мамонтов, А. Белых, К. Партыка и др. Выпускаются многочисленные литературные газеты, журналы, альманахи. Во Владивостоке, помимо уже упомянутого «Рубежа», в разное время выходили «Наблюдатель», «Литературный меридиан», «Заветный край», «Приморский лад», «Изба-читальня» (переименованная впоследствии в «Кают-компанию») и др. У некоторых изданий увидели свет всего несколько номеров, другие существуют и по сей день. В Хабаровске, несмотря на финансовые трудности, продолжает печататься «Дальний Восток», который в советское время был единственным на весь регион «толстым» литературным журналом. После 1992 г. он стал убыточным, пришлось сократить штат, минимизировать расхо-

ды. Главный редактор В. Федоров неоднократно выступал в СМИ, просил о помощи и получил отклик – удалось привлечь спонсоров и, в конце концов, договориться о финансировании издания из краевого бюджета. В 1998 г. стартует культурно-просветительский журнал «Словесница искусств».

В конце 1990-х гг. во Владивостоке открывается Дальневосточное отделение Русского ПЕН-центра, который, в свою очередь, входит в международную писательскую организацию, ее цель – защита гласности и свободы писательства.

Еще в 1990 г. произошел раскол в союзе писателей, причем политическая и идейная борьба была неразрывно связана с борьбой за власть и доступ к ресурсам. Таким образом, на федеральном уровне, а потом и в регионах оформляются две писательские организации – Союз писателей России (СПР) и Союз российских писателей (СРП). Уже через несколько лет многие литераторы осознали, что «внутренние расколы, произошедшие в союзе, ничего... не дали кроме потери авторитета и ослабления позиций в целом» [4. Д. 273. Л. 23]. Но отыграть назад, как выяснилось, невозможно, хотя робкие призывы к объединению раздаются до сих пор.

В 1990-е годы Центр все больше дистанцировался от решения социальных проблем на Дальнем Востоке, и это касалось не только федеральных органов исполнительной и законодательной власти, но и творческих организаций. «При всей важности принимаемых в Москве решений влияние центра на дела провинциальных организаций незначительно. По сути региональные организации сегодня стоят перед проблемой самостоятельного выживания», – признавал руководитель приморского отделения СПР В. Тыцких в 1993 г. [4. Д. 273. Л. 13].

Уже в начале 1990-х выяснилось, что писательские организации в значительной степени зависят от доброй воли чиновников на местах. Хабаровским литераторам в этом смысле повезло больше, приморским – меньше. «Вся наша деятельность протекала на фоне постоянной угрозы финансового краха, юридического непризнания и элементарного выселения из помещения – единственного достояния, которым располагала организация (*на первом этаже престижной «сталинки» в центре города – прим. Е. В.*). История наших поисков в области коммерции пока больше подходит для сюжета смешного и вместе драматического рассказа», – сетовал Тыцких, отчитываясь перед коллегами о работе бюро СПР с февраля 1990

по февраль 1993 г. [4. Д. 273. Л. 4, 12]. Скромных средств, выделяемых из краевого бюджета на содержание писательской организации, хронически не хватало – как правило, они поступали с задержкой, а цены и тарифы постоянно росли. Следующие полтора десятка лет приморское отделение СПР с трудом держалось на плаву, и только в 2009 г. его председатель А. Ткачук констатировал: «Сейчас, когда сменился глава города (в 2008 г. мэром Владивостока стал И. Пушкарев – прим. Е.В.), впервые за много лет мы почувствовали к себе внимание, у нас нет проблем с помещением – все материальные проблемы по аренде и коммунальным платежам на себя взял город. А раньше к нам постоянно наведывались приставы и были попытки захвата нашего [помещения]» [8].

Хабаровское отделение СПР и редакция журнала «Дальний Восток» в рассматриваемый период размещались в так называемом Доме литератора на условиях «бессрочного и безвозмездного пользования» и «возмещения затрат по содержанию и эксплуатации здания» [12, 13]. Но, по большому счету, нельзя сказать, что хабаровские литераторы как сыр в масле катались: если в советский период само членство в союзе писателей уже давало гарантию публикаций, средства к существованию, реальные перспективы для решения жилищного вопроса, обеспечивало творческие командировки и отпуска, то в 1990-х гг. все эти привилегии сходят на нет. «Сейчас писатели спорят: нужны ли союзы писателей?.. Но закона о творческих работниках и творческих союзах до сих пор нет. Мы обычная общественная организация, как, к примеру, организация любителей пива», – сетует глава хабаровского регионального отделения М. Асламов [19]. Теперь членский билет мало что решает, только тешит самолюбие.

Начиная с 1990-х гг. численность писательских организаций неуклонно возрастает в ущерб качеству (например, приморское региональное отделение в декабре 1991 г., до раскола, насчитывало 13 членов; в 2010 г. в СПР состояли 48 человек, в СРП – 15 [4. Д. 265. Л. 1]), и постепенно союзы писателей теряют общественный статус. В конечном итоге ряд признанных авторов от них намеренно дистанцируются, «да и молодежь туда уже не стремится, поскольку идти там не к кому», констатирует владивостокский издатель А. Колесов [1, П 02].

В этом смысле показательна история создания молодежного литобъединения «Серая лошадь» в середине 1990-х гг. Изначально это была литстудия при региональном отделении СПР во

Владивостоке, точнее, одна из ее секций – секция поэзии (кстати, и название «Серая лошадь» идет от здания, где расположен писательский союз). Глава секции В. Тыцких решил перевести ее на самоуправление (первым руководителем из числа участников стал В. Крыжановский, с 1997 г. лит-студия издает собственные альманахи). По словам А. Колесова, «серолошадники» по сути были социальными беспризорниками [1, П 02]. За более чем двадцать лет своего существования «Серая лошадь» прошла путь от объединения при СПР с оплачиваемой должностью руководителя до дружеских посиделок в кафе [22, с. 5-11].

Кроме того, с конца 1980-х во Владивостоке действовали клуб «Дилетант» и объединение поэтов-обэриутов «Методологический семинар» (оно выпускало самиздатовский журнал «Воскресение» и просуществовало до 1994 г.), в середине 1990-х гг. появляется литературная студия «Третья пятница». Примерно в это же время в Хабаровске формируется «Клуб вольных поэтов» (с самиздатовским литературным листком), молодежные поэтические группы «Сенат», «МАДИ», создается литобъединение «Муза при свечах», с 1990 г. проводятся так называемые Еращенко-ские чтения на базе краевой публичной библиотеки (в честь поэта В. Еращенко).

Таким образом, Владивосток и Хабаровск в 1990-е гг. двигались в русле общероссийского литпроцесса. Поскольку издательства бросились печатать ранее запрещенную и недоступную широкому читателю литературу, компьютеров было не так много, а рунет начал формироваться только в середине девяностых, то у огромного количества авторов по всей стране не было ни книг, ни журнальных публикаций, ни шансов получить это в ближайшей перспективе. Поэтому широкое распространение получили литературные клубы, которые давали возможность авторам пообщаться, почитать свои произведения и послушать опусы товарищей по перу, дабы не вариться в собственном соку и получить хоть какой-то отклик. Литклубы в этот период сыграли большую роль в формировании художественной среды, говорит Т. Михайловская, московский литературный критик и создатель «Георгиевского клуба» [27].

Несмотря на многоцветье литературной жизни, ельцинские годы были однозначно деструктивным периодом, считает А. Колесов [1, П 02]. Масштабные перемены неизбежно порождают хаос, а перемены, происходившие в литературной сфере в 1990-е годы, были, безусловно, масштабными. Это не только глубокий культурный разрыв

[6, с. 183], но и переход от «вертикальной» модели организации книжного дела к «горизонтальной», когда издательства не управляются сверху, а работают самостоятельно, руководствуясь (в идеале) интересами своей территории и нуждами ее развития [18, с. 8]. Какие последствия это имело для авторов? Если раньше они зависели от цензоров, то теперь – от издателей. «Молодому, пожилому ли писателю нынче проще написать повесть или даже роман, чем их опубликовать, – признавал хабаровский поэт и прозаик Н. Наволочкин. – А дни идут, выстраиваются в года... А рукописи лежат...» [10, с. 35]. Частные издательства (впрочем, как и оставшиеся государственные, еле сводящие концы с концами) зачастую работают под заказ или выпускают то, что, в их представлении, востребовано на рынке и гарантированно принесет прибыль, предпочитая лишний раз не рисковать.

Исключения редки, среди них можно назвать владивостокский «Рубеж», магаданский «Охотник», Сахалинское книжное издательство, которые имели свой *must published* – то, что они считали нужным издавать в любом случае, пусть даже за свой счет (по убеждению А. Лобычева, «настоящее издательство должно вести культурно-просветительскую работу, иметь свою миссию» [1, П 03]). Но при таком подходе сохранять рентабельность непросто, если нет постоянного источника финансирования. И если в Хабаровском крае из госбюджета на постоянной основе все же выделялись небольшие средства на публикацию «отдельных произведений хабаровских писателей, связанных с современной жизнью края, его историей и краеведением, произведений для детей» [12], то в Приморье никаких регулярных бюджетных вливаний по этой статье не было. Как правило, имели место частные отношения, когда конкретные издательства, или писательские организации, или авторы шли к конкретному чиновнику и просили денег на конкретные издания, причем результат был не гарантирован.

Обращались люди пишущие и за помощью к бизнесу (по выражению А. Лобычева, «деньги тогда были внезапные, а бизнесмены еще не заматерели» [1, П 03]). В 1998 г. во Владивостоке начала действовать народная издательская программа «Новая книга» в помощь приморским авторам, которые стеснены в средствах. Программа функционировала при поддержке МГУ им. адм. Г.И. Невельского, краевого управления культуры, общества книголюбов, приморского представительства фонда культуры России, общества «Знание», издателей, полиграфистов, библиотекарей и дер-

жалась на энтузиазме попечителей и спонсорских вливаниях [24, с. 24–25].

В 1990-е годы типографии переходят на электронный набор, с каждым годом совершенствуются технологии – это упрощает издательский процесс и делает книгоиздание более доступным для отдельно взятого автора, поэтому целый ряд литераторов начинают издавать книги за свой счет. Порой автор становился сам себе редактором и издателем (как, например, Арт Иванов, Инг. Райн в Хабаровске, В. Вещунов, К. Дмитриенко, В. Протасов во Владивостоке). Конечно, подобный самиздат не гарантировал выхода на широкого читателя, но для человека, который годами пишет в стол, психологически важно хотя бы несколько десятков экземпляров раздать своим друзьям и знакомым.

Похожая ситуация была и в первой половине 1920-х гг., когда в России шел обратный процесс – переход от «горизонтальной» модели организации издательского дела к «вертикальной». Достаточно вспомнить, как А. Несмелов за свой счет напечатал сборник стихов «Уступы» (хотя в конечном итоге выяснилось, что платить ему нечем). В конце концов, собираясь покинуть Владивосток, он в типографии выпросил под честное слово полсотни экземпляров, часть продал, часть раздал, а оставшиеся взял с собой в эмиграцию (в Китай) [11, с. 236]. В те годы с типографским оборудованием дела обстояли еще хуже, так что авторы, бывало, организовывали книжные лавки – садились и переписывали стихи от руки. В 1990-е такие примеры тоже были. Например, в Хабаровске выпускался рукописный поэтический журнал «Excelsior МУ-МУ» тиражом 15–20 экземпляров, его составителем был поэт Арт Иванов [26]. Проблемы с изданием книг в первой половине 1920-х (так же, как и в 1990-х) послужили причиной бурного развития клубного варианта литературной жизни: недаром этот период отечественной словесности называют «кафейным» (литераторы собирались в кафе).

Возвращаясь к рубежу XX–XXI вв., отметим, что каждый труженик пера, в общем и целом, оказался предоставлен сам себе. «Что ждет работающий в глубине России литератор от Москвы? – в 2007 г. вопрошал директор Приморской краевой государственной публичной библиотеки им. М. Горького А. Брюханов. – Публикации в литературно-художественном журнале? Но кто ими сегодня интересуется? Помощи Литфонда? Но он пуст. Доброжелательного и вдумчивого разбора рукописи? Но этим некому заниматься. Все исчез-

ло. Ничего не стало. По большому счету, и планки-то литературной сегодня нет» [15, с. 179–180].

В самом деле, критерии качественной литературы оказались смазанными, и в этой ситуации пострадали не только писатели, но и читатели. «При советской власти была цензура, но была и редактора, был фильтр, который отсеивал графоманов и не позволял выпускать в свет откровенно некачественную литературу», – говорит Лобычев [1, П 03]. При отсутствии фильтра, при явном недостатке и слабости литературной критики массовый читатель теряет ориентиры, ему становится непонятно, какие книги заслуживают внимания. Выбирая наугад, он зачастую испытывает разочарование, а в результате снижается интерес к художественной литературе.

В 1990-е гг. происходит падение престижа писательской профессии: здесь сыграли роль и процессы, изложенные выше, и развитие телевидения, интернета, индустрии альтернативных развлечений. Практически ни одна из групп советского общества не сохранила своего статуса, отмечает Л. Ионин, и люди творческих профессий в этом смысле не исключение. Они утратили привилегии советского периода и практически исчезли из фокуса общественного внимания [6, с. 231, 236]. Конечно, и в позднесоветский период творческая интеллигенция жила непросто – кто-то не находил средств самовыражения, своего места в жизни, а в результате – спивался, уезжал на другой конец страны или за границу, сводил счеты с жизнью... Но именно в 1990-е гг. писатели перестали быть не только властителями дум, но и вообще сколько-нибудь уважаемыми людьми, появилась даже пренебрежительно-уничтожительная лексика – «писателишки», «стишки». «Звание поэта уронили с такой высоты, что его не оторвешь от асфальта – так все и ходят, не обращая внимания», – констатировал И. Шепета [29, с. 88].

По словам Л. Данилкина, «в девяностые литература (литпроцесс) была сама по себе, тогда как жизнь, общество – сами по себе» [5, с. 210]. В. Тыцких в 1993 г. докладывал коллегам по СПР, что сотрудничать со СМИ стало очень сложно: заполитизированность общественного сознания и обвальная коммерциализация «вывели из области повседневного интереса прессы многие стороны жизни, в том числе культуру. В подавляющем большинстве редакций даже нет отдела культуры» [4. Д. 273. Л. 6]. В. Катеринич в 1999 г. писала: «книжные магазины завалены глянцевым ширпотребом, издания местных авторов потеснены в скромный уголок» [7].

Двигаясь в общем и целом в русле общероссийского литпроцесса, дальневосточные авторы, возможно, острее переживали культурный разрыв, дезориентацию и утрату идентификаций. Ощущение ненужности писательского труда дополнялось еще региональным фактором: в 1990-е дальневосточники перестали чувствовать свою значимость в качестве хранителей далеких, слабонаселенных территорий на окраине державы. К тому же Дальний Восток в результате рыночных реформ оказался в еще более тяжелой социально-экономической ситуации, чем другие регионы страны.

Литераторам, родившимся в 1940–1950-е гг., приспособиться к новой реальности было особенно сложно. «Россия выдохлась. И кто-то/ Ее умышленно, ей-богу,/ Толкает в топкое болото», – пишет А. Бочинин в 1993-м [3, с. 70]. «Мешает и глубоко несимпатична вся нынешняя возня, все то, что бесчестно называется политикой, экономикой, культурой. Страстно хочется, подобно Лютеру, которому привиделся дьявол, запустить чернильницей», – говорит поэт В. Протасов в 1999-м [20, с. 18]. «Я до сих пор ненавижу демократов и считаю Горбачева преступником, ведь именно с него все и началось. Как может развиваться нация, если цвет нации – писатели и художники – брошены на произвол судьбы, государству до них и дела нет?» – вопрошает поэтесса Р. Мороз в 2017-м [1, П 04].

Более молодые авторы воспринимали ситуацию по-иному. Ныне биробиджанский, а в 1990-е гг. владивостокский поэт В. Бурик (род. в 1967 г.) говорит, что в девяностые, несмотря на материальные трудности, он и его товарищи по литературным тусовкам испытывали «ощущения скорее со знаком плюс: мы были молоды, нам было действительно интересно, были надежды и открытое пространство – а терять еще было нечего» [1, П 01]. В свою очередь писатель Р. Сенчин (род. в 1971 г.) считает, что для молодого поколения авторов произошедшие в стране изменения тоже стали потрясением, но оно выразилось иначе, чем у старших коллег: «Им почти не с чем сравнивать сегодняшнюю жизнь, не о чем всерьез «ностальгировать» и нечего проклинать в прошлом. Молодежь, в самом начале пути, оказалась словно бы перед глубоким оврагом, который нужно или перепрыгнуть, или скатиться на дно» [21, с. 36].

Если перейти от психологического восприятия эпохи к материальной стороне вопроса, мы увидим, что уже в первой половине 1990-х гг. писательство в России перестало приносить стабильный, ощутимый заработок (гонорары или не

выплачивались вовсе, или составляли скромную сумму). Исключения единичны, и на всей территории Дальнего Востока таких исключений нет. Приамурский писатель В. Лецик вспоминает: «[В 1982 г.] я получил за публикацию повести «Пара лапчатых унтов» в журнале «Дальний Восток» 3600 руб. Я на эти деньги целый год на вольных хлебах жил. Уже в послеперестроечные времена Володя Илюшин написал такого же объема повесть, так ему гонорара хватило на пять бутылок водки» [25].

Оказалось, что в новых социально-экономических условиях у писателя должна быть другая работа или подработка, и только решив хотя бы по минимуму материальные проблемы – свои и своей семьи – он может позволить себе заниматься литературным творчеством. В 1990-е гг. на первое место выходят вопросы выживания, все меньше внимания уделяется общественной, популяризаторской, критико-литературоведческой работе. «Трудно, конечно, рассчитывать на большую общественную активность писателей, когда они вынуждены ради куска хлеба идти в репортеры и сторожа», – признавал В. Тыцких в 1993 г. [4. Д. 273. Л. 12]. Социальная группа литераторов размывается, очертить ее границы становится все сложнее. Условность и подвижность социальной структуры, по словам Ионина, тоже явилась прямым следствием распада советской модели [6, с. 286].

Писатели, как и представители других социальных групп, в кризисных условиях использовали практики выживания, свойственные традиционному обществу: ведение натурального хозяйства (на дачах и огородах), взаимобмен товаров и услуг, взаимопомощь в кругу родственников и знакомых. Литераторы помогали друг другу устроиться на работу или получить разовые заказы для подработки, «выбивали» стипендии у местных властей для особо нуждающихся коллег; те, кто занимался бизнесом, выделяли средства на публикацию книг своих менее обеспеченных товарищей по перу.

Можно было ожидать, что в 1990-е больше всего пострадают писатели официально признанные, у которых к концу советского периода жизнь, в общем и целом, была налажена, вроде С. Балабина, Л. Князева или Н. Наволочкина. Для тех же, кто только начинал или ранее по каким-то причинам не вписывался в официальные рамки, в девяностые, наоборот, открылись новые возможности. Но не все так однозначно. Так, например, прозаик В. Илюшин, в советские годы не избалованный ни

вниманием, ни публикациями, в 2001-м, не осилив ноши переходного периода, умер на скамейке в Хабаровске от сердечного приступа. По словам А. Лобычева, это был писатель, имеющий тонкую душевную организацию, «очень русский, советский в лучшем смысле слова», и здесь «в один узел стянулись и выпадение из социальной жизни, и творческое распутье, и отсутствие публикаций, житейская бесприютность и неминуемая водка» [9, с. 496].

В самом деле, если у автора нет ни средств к существованию, ни книги, ни читателя, трудно сохранить работоспособность и не впасть в отчаяние. Механизмы адаптации были разными. Кто-то перестал писать, поскольку не видел в этом смысла: в 1990-е «замолчали» В. Пожидаев, Р. Мороз, И. Шепета. Последний торговал китайскими овощами, освоил горнорудный бизнес, затем деревообрабатывающий. Ю. Кашук и А. Радушкевич с товарищами основали первую на Дальнем Востоке цветную деловую газету «ДелИн», потом Радушкевич работал в газете «Ежедневные новости», дошел до редактора. Вынужденно обратился к журналистике и С. Балабин. «Мне очень обидно, что я в таком возрасте пошел работать в газету, – говорил он коллегам в 1993 г., на 58-м году жизни. – Я понимаю, что, вернувшись к газетной работе, я больше ничего не напишу. А я мечтал в конце жизни написать свою последнюю, главную книгу» [4. Д. 273. Л. 15]. Повесть Балабина о «лихих девяностых» с характерным названием «Дурдом» осталась неопубликованной, умер писатель в 2001 г.

П. Халов в конце 1980-х гг. заявил о выходе из хабаровской писательской организации, которую сотрясали скандалы и склоки. Работал телевизионным обозревателем журнала «Дальний Восток», снабженцем в строительном кооперативе, организовал независимое издательство для детей и юношества «Амур». Пытался участвовать в краевых выборах, в работе благотворительной организации «Единство», которая помогала бывшим заключенным. В конце жизни Халов все-таки вернулся к литературе (ум. в 1999 г.), однако последняя повесть «Свет в конце тоннеля» осталась в рукописи, роман «Монолог» так и не был завершен [28].

Р. Мороз в девяностые директорствовала в различных организациях, потом переехала в Южную Корею (в 2006-м вернулась во Владивосток). В. Казакевич эмигрировал в Японию. Пять из шести основателей «Серой лошади» к началу XXI в. уехали из Владивостока (в Москву, Санкт-Петербург,

Париж) – это болезненно воспринималось участниками литобъединения, однако расширение географии позволило «Серой лошади» непосредственно войти в общероссийский литературный контекст (4-й и 6-й выпуски альманаха увидели свет в Москве) [22, с. 7–8].

А. Бочинин годами не имел своего угла, скитался, жил то в мастерских у друзей-художников, то на судах, стоящих во владивостокских портах. Однако стихи его регулярно появлялись в дальневосточных газетах и журналах, а в 2002 г. у Бочинина даже вышли два поэтических сборника. Умер он в статусе бомжа, без документов, в 2005 г., коллеги обнаружили поэта в морге в последний момент – его уже собирались закопать как безымянного [9, с. 403, 405–406].

Таким образом, эпоху 1990-х гг. в литературной сфере можно охарактеризовать как хаос, распад и метания. «Книг и периодических изданий литературного толка стало много, в том числе и самиздатовских – что называется, пошел вал, но выловить в этом потоке что-то стоящее, отделить зерна от плевел очень сложно», – отмечает А. Лобычев [1, П 03]. Профессия писателя перестала быть престижной, более того, зарабатывать на жизнь исключительно литературным трудом стало невозможно. В литературной сфере на Дальнем Востоке России, как и в других сферах общественной жизни, судя по всему, имели место «длинные девяностые», о которых пишет Л. Бляхер: «Процессы, порожденные ими, продолжались до середины первого десятилетия XXI века. Да и сегодня их следы еще вполне ощутимы» [2, с. 65].

К середине 2000-х качество книгоиздания повышается, с развитием технологий в издательской отрасли и распространением интернета клубная жизнь снижает обороты, самиздат теряет популярность, стремительно возрастает количество интернет-публикаций. Но и сейчас, через четверть века после начала радикальных преобразований, мы можем констатировать, что социальная травма, полученная в результате рыночных реформ 1990-х, в литературной сфере не преодолена. Ж. Тощенко определяет социальную травму как «длительное состояние *неопределенности* трансформации общественных отношений, характеризующееся деформацией экономических, социальных, политических и духовно-культурных процессов и имеющее непредвиденные социальные последствия» [23, с. 78]. По сути, процессы трансформации в литературной сфере остались незавершенными: старые институты – союзы писателей – еще существуют, но уже не действуют, а

новые не сформировались (если ориентироваться на западные образцы, то до сих пор в России и на Дальнем Востоке, в частности, нет ни развитой структуры литагентов, ни сильных писательских профсоюзов). Об осязаемой господдержке и литературной школе говорить не приходится, эффективная система книгораспространения по-прежнему отсутствует, и вопрос о востребованности художественной литературы обществом, как и проблема формирования единого культурного пространства, стоят на повестке дня до сих пор.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Архив отдела социально-политических исследований ИИАЭ ДВО РАН. Инт. П 01, 02, 03, 04.
2. Бляхер Л. Искусство неуправляемой жизни. Дальний Восток / Тетрадки Gefter.ru. М.: Европа, 2014. 208 с.
3. Бочинин А. Час потрясения: стихи // Дальний Восток. 1993. № 1. С. 67–71.
4. Государственный архив Приморского края. Ф. 1504. Оп. 2.
5. Данилкин Л. Клудж. Книги. Люди. Путешествия. М.: РИПОЛ классик, 2016. 384 с.
6. Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М.: Логос, 2000. 432 с.
7. Катеринич В. В городе Удачинске // Знамя. 1999. № 2. URL: <http://znamya.litiz.ru/publication.php?id=709> (дата обращения: 01.06.2017).
8. Кутырев-Трапезников Л. «Про нас почти забыли!»: интервью с председателем приморского отделения Союза писателей России Александром Алексеевичем Ткачуком // Российский писатель. URL: <http://rospisatel.ru/tkatshuk.htm> (дата обращения: 15.06.2017).
9. Лобычев А.М. Отплытие на остров Русский: дальневосточная литература во времени и пространстве. Владивосток: Тихоокеанское изд-во «Рубеж», 2013. 576 с.
10. Наволочкин Н. Дневник памяти // Дальний Восток. 2007. № 5. С. 3–52.
11. Несмелов А. О себе и о Владивостоке: воспоминания // Тихоокеанский альманах «Рубеж». 1995. № 2. С. 227–237.
12. О дополнительных мерах поддержки Хабаровской краевой писательской организации союза писателей Российской Федерации. Постановление Главы администрации Хабаровского края от 12.02.1996 № 60 // Информационный портал Хабаровского края. URL: <http://khabarovsk.regnews.org/doc/br/k4.htm> (дата обращения: 15.06.2017).
13. О мерах поддержки Хабаровской писательской организации Союза писателей Российской Федерации. Постановление Главы администрации Хабаровского края от 27.05.1994 № 267 / Информационный портал Хабаровского края. URL: <http://khabarovsk.regnews.org/doc/vr/a5.htm> (дата обращения: 15.06.2017).
14. Основы законодательства Российской Федерации о культуре: № 3612-1 от 09.10.1992 г. / Официальный сайт компании «Консультант-Плюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=221006&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.7397336940046079#0> (дата обращения: 31.07.2017).
15. Писатель провинции. Круглый стол «Литературного Владивостока» // Литературный Владивосток. 2007. № 2. С. 171–180.
16. Поляков Ю. Апофегей российского масштаба: интервью разных лет. М.: РОСМЭН-ПРЕСС, 2004. 540 с.
17. Посадсков А.Л. Вертикали власти и горизонтальные интересы: сравнительная характеристика реформ 1920–1930-х и 1990–2000-х гг в книжном деле России // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23, № 4. С. 83–87.
18. Посадсков А.Л. Горизонтальное сообщество как модель развития издательского дела Дальнего Востока» // Книжная отрасль ДВ. Аналитика. Факты. Прогнозы: материалы отраслевой науч.-практ. конф. / Примор. краев. публ. б-ка им. А. М. Горького. Владивосток: Дальиздат, 2016. С. 3–11.
19. Пронякин К. Михаил Асламов: «К речам высоким в наши дни – стал осторожен...» // Электронный архив печатной версии еженедельной газеты «Хабаровский экспресс». 2010 г. № 27. URL: <http://www.habex.ru/paper/35/350/> (дата обращения: 25.07.2017).
20. Протасов В. Тайный метроном // Пять по пятьдесят: стихи. Владивосток: Приморское общество любителей книги, 1999. С. 15–18.
21. Сенчин Р.В. Рассыпанная мозаика: статьи о современной литературе / послесловие Вячеслава Огрызко. М.: Литературная Россия, 2008. 256 с.
22. Серая лошадь. К 20-летию литературного объединения. СПб., 2015. 326 с.
23. Тощенко Ж.Т. Травма общества: между эволюцией и революцией (приглашение к дискуссии) // Полис. Политические исследования. 2017. № 1. С. 70–84.
24. Тыцких В.М. «Новой книге» – 4 года // Печатный двор. Дальний Восток России. 2002. № 2. С. 24–25.

25. Фадеева Н. Владислав Лецик: «Амурские писатели на книгах не зарабатывают» // «Амурская правда» 01.11.2016. URL: <http://www.ampravda.ru/2016/11/01/70714.html> (дата обращения: 10.05.2017).
26. Хабаровский самиздат конца 20 – начала 21 века // Электронное научное издание «Ученые заметки ТОГУ». 2013. Т. 4, № 4. URL: http://pnu.edu.ru/media/ejournal/articles-2013/TGU_4_139.pdf (дата обращения: 16.03.2017).
27. Хроники литературного быта 1990-х. Татьяна Михайловская. Социальные ритмы «новой России» и литературный процесс // Гефтер. URL: <http://gefter.ru/archive/21309> (дата обращения: 10.06.2017).
28. Чернявский А. Последнее интервью Павла Халова // Тихоокеанская звезда. 3.09.2002. URL: https://toz.su/archive/?ELEMENT_ID=63652 (дата обращения: 31.07.2017).
29. Шепета И.И. Образ действия – обстоятельства: стихи, эссе. Владивосток: Валентин, 2011. 92 с.

TRANSFORMATION PROCESSES IN THE LITERARY SPHERE OF THE RUSSIAN FAR EAST IN 1990s

E.S. Volkova

The article analyzes the effects of radical reforms in 1990s on the literary sphere in the Russian Far East, including a collapse of the unified cultural space, a transition from the «vertical» model of publishing business to the «horizontal» one, and a decline in the prestige of literary work. The article shows what the Far Eastern writers feel about the new times, and how they manage to survive during the transition period.

Keywords: *Russian Far East, 1990s, market reforms, creative intellectuals, cultural gap, social status of the writer, practice of survival.*